

Российская академия наук
Институт археологии

В. В. Седов

СЛАВЯНЕ В РИМСКОЕ ВРЕМЯ

*XIII Международный съезд славистов
(Словения, 2003)*

Москва
2003

Российская академия наук
Институт археологии

В. В. Седов

СЛАВЯНЕ
В РИМСКОЕ ВРЕМЯ

*XIII Международный съезд славистов
(Словения, 2003)*

Москва
2003

УДК 902/904

ББК 63.4

С28

ISBN 5-94375-014-2

© Институт археологии РАН, 2003 г.

© В. В. Седов, 2003 г.

Рассматриваемый период в истории Европы характеризуется значительным воздействием цивилизации Римской империи на соседние культуры «вараварских» племен. В результате на пограничье с Империей образовались так называемые провинциально-римские культуры, сильно отличающиеся от более северных и северо-восточных своим экономическим развитием, ремесленно-торговой деятельностью и бытом. Начало римского периода определяется серединой I в. н.э. На основании многочисленных вещевых находок археологами (Г. Эггерс, Я. Филип, Р. Хахманн, К. Годловский) разработана его периодизация. Выделены два основных этапа – раннеримский (до последней четверти II в.) и позднеримский (до рубежа IV–V вв.), которые подразделены на более мелкие временные отрезки – фазы, имеющие большое значение для изучения всех европейских древностей. Римскому времени в Европе предшествовал латенский период, который археологами делится на три этапа – ранний латен (V–IV вв. до н.э.), средний латен (III–II вв. до н.э.) и поздний латен (I в. до н.э. – начало I в. н.э.).

Ретроспективным методом устанавливается, что в эпоху раннего и среднего латена славяне заселяли ареал культуры подклёшевых погребений, то есть бассейн среднего течения Вислы и бассейн Варты вплоть до среднего Одера. Этот метод заключается в поэтапном прослеживании истоков основных (этнографических) элементов археологических культур, начиная от культур раннего средневековья, в этноязыковом отношении достоверно определенных, вглубь веков к эволюционно (генетически) связанным с ними древностям предшествующего времени, а от них на ступень глубже и т.д.

Культура подклёшевых погребений (400–100 гг. до н.э.) сложилась как результат внутрорегионального взаимодействия древнеевропейского населения, представленного в землях к северу от Карпат лужицкой культурой (является частью большой средневропейской культурно-исторической общности полей погребальных урн, сопоставимой с древнеевропейской этноязыковой общностью Г. Краэ), с проникшими с севе-

ра племенами поморской культуры, определяемыми в этноязыковом отношении как периферийные балты (Седов, 1994, с. 95–148; 2002, с. 69–79).

На севере и северо-востоке славяне в то время тесно контактировали с западнобалтскими племенами, занимавшими юго-восточное побережье Балтики от нижнего течения Вислы до верховьев р. Венты, включая Мазурское Поозерье (культура западнобалтских курганов). Некоторые глиняные сосуды, орудия труда и украшения, получившие распространение в культуре западных балтов были близки древностям культуры подклёшевых погребений, а ряд металлических изделий (массивные шейные гривны, браслеты, втульчатые топоры и др.) были одинаковыми для этих культур. Эти археологические наблюдения находят полное соответствие с данными лингвистики, указывающей на соседские связи ранних славян с носителями западнобалтских диалектов (Mažiulis, 1984, S. 166–167; Zeps, 1984, p. 213–222; Топоров, 1988, с. 264–292).

Северо-западными соседями славян в тот период были германцы, представленные ясторфской культурой. Территория последней охватывала бассейн среднего и нижнего течения Эльбы (до поречья Одера на востоке) и Ютландию. В восточной части ареала ясторфской культуры нередко сосуды с шероховатой поверхностью, широко бытовавшие в культуре подклёшевых погребений. Наоборот, в регионы последней из ясторфской области проникали кувшины. Множество предметов (булавки с лебедиными головками, с навершиями, свитыми в ушко, чертозские и ковачевичские фибулы, двуухие сосуды и др.) имели одинаковое распространение в ареалах обеих культур. Вполне очевидно, что славяно-германское лексическое взаимопроникновение древнейшей поры, фиксируемое лингвистами (Kiparski, 1934; Мартынов, 1963; Birnbaum, 1984, S. 7–20), отражает соседские контакты населения культуры подклёшевых погребений с племенами ясторфской культуры.

Следующий этап в истории славян характеризуется их тесными контактами с кельтами. Как известно, кельты выделились из среды древнеевропейцев в первой половине I тыс. до н.э. и первоначально заселяли земли в верховьях Рейна и Дуная. Около 400 г. до н.э. начинается мощная миграция кельтов. На западе они заняли Галлию, Британию и часть Иберийского полуострова, на востоке – Среднее Подунавье, а в III в. до н.э. проникли на нижний Дунай и Балканы и дошли до Малой Азии. В начале этого столетия кельты пересекли Судеты и посели-

лись на плодородных землях Силезии. Во II в. до н.э. еще одна более крупная группа кельтов продвинулась в южные районы современной Польши, пополнив население Силезии и осев в верхнем течении Вислы.

Кельты находились на более высоком уровне развития экономики и общества, чем более северные племена Европы, в том числе и славяне. Кельтами была создана яркая культура латена, распространившаяся на широких пространствах Европы. Исключительный вклад был внесен ими в европейскую металлургию и металлообработку, в бронзолитейное и ювелирное ремесла, в гончарное дело. В латенской культуре активно функционировали крупные производственные центры. Такие ремесленные поселки исследованы также в Силезии и Малопольше, где вскоре начался период активного славяно-кельтского взаимодействия, оставившего заметный след в истории и культуре славян.

В Силезии сложилась латенская культура, на верхней Висле в условиях внутрорегионального взаимодействия кельтов с проникшими сюда славянами – метисная культура, именуемая тынецкой. Довольно сильное влияние кельтов распространяется и на более северные области Висло-Одерского региона. В ареал культуры подклёшевых погребений поступают многочисленные кельтские изделия – украшения и поясные принадлежности, железные топоры с четырехгранной втулкой, наконечники копий и др. Археологически документирована и инфильтрация кельтов в земли, заселенные славянами, но ее нельзя назвать значительной. Исключение составляет небольшой участок Куявии в среднем течении р. Нотец, где приток кельтских переселенцев и их инфильтрация в местную среду отчетливо документируется археологическими данными. По концентрации кельтских элементов здесь выделяется особая группа пшеворской культуры, именуемая крушанской (*Costa-Broniewska*, 1979; 1986).

Особенно мощное латенское воздействие приходится на II в. до н.э., в результате чего культура подклёшевых погребений постепенно (около 100 г. до н.э.) трансформировалась в пшеворскую.

Областью становления последней является бассейн среднего течения Вислы и правобережная часть среднего Поодерья. В период позднего латена пшеворская культура распространяется на юг, охватывая все Верхнее Повисленье. Расселившееся в ареале славян кельтское население оказалось сла-

вьянизированным. В начале римского периода пшеворская культура поглощает и латенскую культуру Силезии. Кельтское население этого региона также вошло в состав славянского этноса.

Из кельтского мира население пшеворской культуры переняло кузнечный и слесарный инструментарий, ножи, бритвы, мечи и копья. Славянское железообрабатывающее ремесло I тыс. н.э., как показывают металлографические анализы, близко к кузнечному делу кельтов и провинций Римской империи, где продолжались и развивались традиции культуры кельтов (Pleiner, 1958; 1962; Piaskowski, 1963; Барцева и др., 1972, с. 27–32). Кельтское влияние проявляется не только в материальной культуре, но и духовной жизни славян (Rosen-Przeworska, 1964, s. 54–254; 1979, s. 50–137).

Вместе с тем, появление кельтов в Силезии и Малопольше привело к дифференциации славян на две крупные этнографические группы (рис. 1) – северную, где пшеворское население сформировалось в условиях метисации древнеевропейцев с периферийными балтами, и южную, где то же пшеворское население впитало расселившихся здесь этнических кельтов.

В южной части пшеворского ареала продолжали функционировать крупные производственные центры, специализировавшиеся на добыче и обработке железа, а также изготовлении гончарной посуды. В одном из металлургических центров – Свентокшицком – раскопками 1955–1966 гг. выявлено 95 комплексов, насчитывающих каждый от нескольких десятков до двух сотен сыродутных горнов. Польский археолог К. Беленин, исследовавший Свентокшицкий центр, полагает, что всего в нем было около 4000 комплексов с общим числом железоделательных печей до 300 тысяч. Объем их продукции составлял около четырех тысяч тонн железа рыночного качества (Bielenin, 1974; 1986). Руду в горах добывали шахтным способом, использовалась и болотная руда. Начало Свентокшицкого производства восходит к кельтской металлургии позднего латена, но наивысшего расцвета оно достигло в римский период.

Преимущественно в южной части пшеворского ареала в римский период активно работали и центры по производству керамики, из которых гончарные сосуды в большом количестве поступали почти во все регионы славянского расселения. В округе Кракова (Иголомья, Зофиполь, Тропишов) и в окрестностях Вроцлава (Пиотрониовице, Радловице, Радванице) археологами исследовано более сотни гончарных горнов. Они в

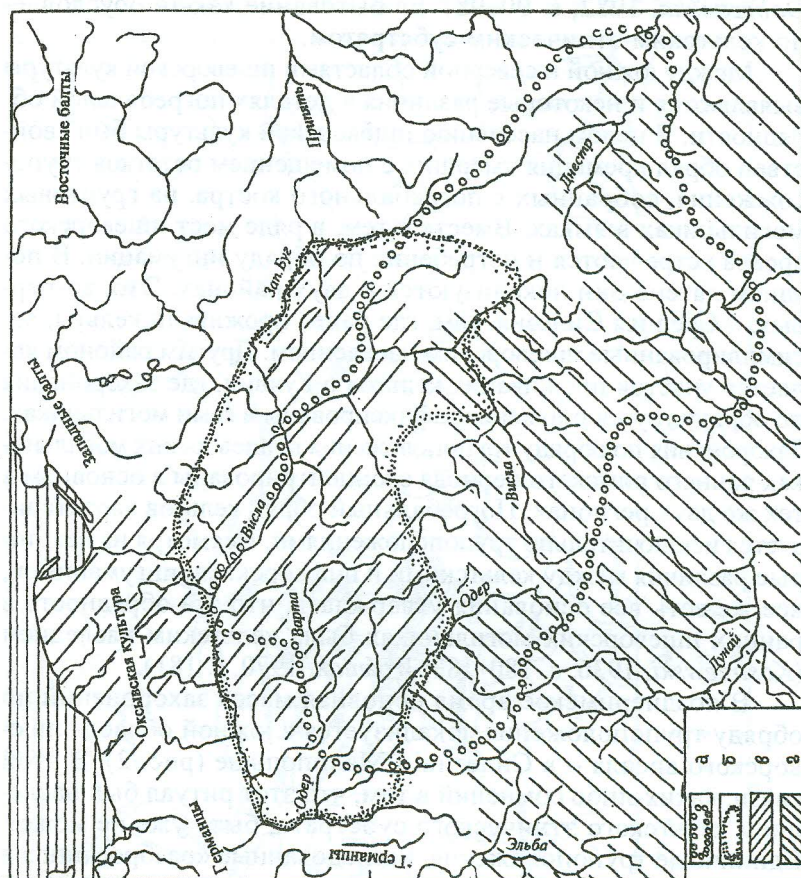

Рис. 1. Этническая дифференциация Висло-Одерского региона накануне и в период становления пшеворской культуры. а — граница пшеворской культуры в римское время (по К. Годловскому); б — граница пшеворской культуры в позднем латене; в — область расселения племен поморской культуры; г — территория проживания кельтов в период латена.

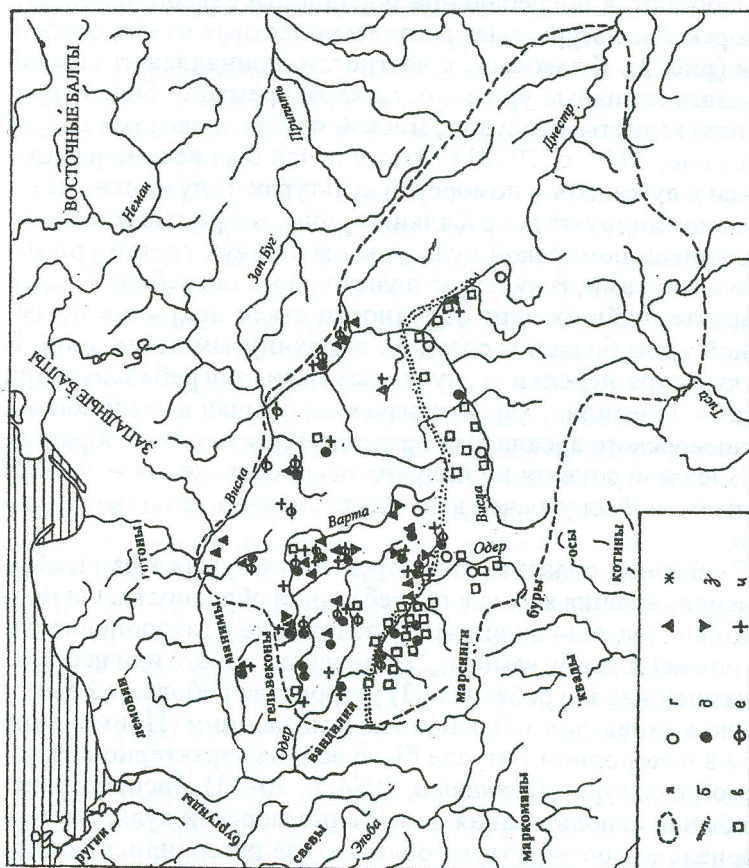
основном двухкамерные, явно восходящие к кельтскому гончарству. Значительная часть глиняной посуды первой стадии эволюции пшеворской культуры откровенно подражала кельтской керамике. Вполне очевидно, что основой развития гончарства Висло-Одерского региона стали местные кельтские традиции (*Svoboda*, 1965, s. 84–98).

Глиняные сосуды, изготовленные мастерами-ремесленниками, поступали, как уже сказано, почти во все регионы славянского расселения, но весьма неравномерно. Так, серая гончарная керамика, на что еще в 60-х годах XX в. обратил внимание польский археолог Е. Веловейский, получила большое распространение преимущественно в Силезии и Малопольше, а также в крушанской группе в Куявии (*Welowiejski*, 1960; *Dobrzańska*, 1982, s. 90–98). Ее бытование как-то обусловлено кельтским этническим субстратом.

Между южной и северной областями пшеворской культуры выявляются и некоторые различия в деталях погребальной обрядности. В целом населению пшеворской культуры был свойствен обряд кремация умерших с помещением остатков трупосожжения, собранных с погребального костра, на грунтовых могильниках в ямках. Вместе с тем, в ряде мест пшеворского ареала встречаются и погребения по обряду ингумации. В позднем латене они локализуются в двух районах. Это, во-первых, – Средняя Силезия, там, где ранее проживали кельты, ассимилированные пшеворским населением. Другим районом является участок проживания кельтов в Куявии, где захоронения по обряду трупоположения зафиксированы в семи могильниках. Захоронения по обряду трупоположения в пшеворских могильниках раннего римского периода сконцентрированы в основном в тех же двух регионах. Погребальный обряд кельтов характеризуется исключительно трупоположениями. Несмотря на некоторые различия между кельтскими и пшеворскими ингумациями, все же есть все основания утверждать, что эта обрядность в ранних пшеворских могильниках была кельтским наследием (*Kostrzewski*, 1936, s. 180–183; *Woźniak*, 1970, s. 181).

В позднеримское время основная масса захоронений по обряду трупоположения локализуется в южной области пшеворского ареала – в Силезии и Малопольше (рис. 2). В этой связи, каких-либо сомнений в том, что этот ритуал был наследием кельтского этнического субстрата, быть уже не может. Единичные трупоположения, исследованные «разбросанно» в северной области, такому заключению препятствовать не мо-

Рис. 2. Северная и южная этнографические области пшеворской культуры в римское время (по К. Годловскому); б – приблизительная граница между северной и южной областями пшеворской культуры; в – могильники пшеворской культуры с трупоположениями позднеримского времени; г – могильники с погребениями, охороненными прямоугольными ровиками; д – могильники с погребениями, в которых ритуально использованы камни; е – могильники с каменными вымостками над погребениями; ж – могильники с урновыми погребениями, накрытыми миской, опрокинутым вверх дном сосудом или фрагментами сосудов; з – могильники с урновыми погребениями, накрытыми камнем; и – могильники с углями в захоронениях. При картографировании особенностей, обозначенных литерами д – з, использованы материалы Г. Ф. Никитиной (1974, рис. 64–66, 68, 69, 73).

гут. К тому же в позднеримский период некоторые из них могли быть оставлены и германцами, которые проникали в пшеворский ареал.

Наследием кельтов в пшеворской культуре являются также погребения, обрамленные прямоугольными ровиками. Такие сооружения широко представлены на собственно кельтских могильниках в Средне- и Верхнедунайских землях, а также во Франции. Ровики имели культовое назначение, их глубина – 30–50 см, заполнение – углистый слой с кальцинированными косточками и отдельными черепками, по-видимому, ритуально разбитых сосудов. Прямоугольные ограждения ровиками зафиксированы в шести могильниках пшеворской культуры (*Русанова*, 2002, с. 90, рис. 120), и все они связаны с ее южной областью.

Наоборот, в погребальной обрядности северной области пшеворской культуры выявляются неизвестные на юге особенности (рис. 2). К таковым, в частности, принадлежит обычай накрывать глиняные урны с остатками кремации более крупным перевернутым сосудом, миской или фрагментами сосуда (*Никитина*, 1974, с. 79–81). Этот обычай был весьма распространен в лужицкой и поморской культурах. В лужицких древностях доминируют погребальные урны, накрытые миской. В могильниках поморской культуры около двух третей урн накрыто крышками. В культуре подклёшевых погребений одной из характернейших черт обрядности стало покрытие погребальной урны большим сосудом, опрокинутым вверх дном. В этой культуре нередки и случаи накрытия погребальных урн мисками. Очевидно, характеризуемый обычай в северной части пшеворского ареала был продолжением местной обрядности. В южной зоне он не получил распространения – по всей вероятности, был утрачен в условиях славяно-кельтской метисации.

С северной областью пшеворской культуры связан и обычай использования камня в погребальной обрядности. Он проявляется в нескольких видах: 1) положение в захоронение одного или нескольких камней; 2) помещение одного или нескольких камней над погребением; 3) устройство небольшой вымостки из камней под погребением или над ним. Применение камня в похоронном ритуале было весьма характерно для поморской культуры (*Никитина*, 1974, с. 50–53). Распространение обычая использования камня в пшеворской культуре территориально соответствует области, где расселились помор-

ские племена и сформировалась культура подклёшевых погребений. Очевидно, этот обычай в пшеворской культуре был наследием поморской культуры, который несколько трансформировался со временем. Он отражает некоторую связь в западно-балтском мире, для которого этот ритуал был характерен в течение длительного времени (*Engel, La Baume, 1937, S. 141; Jaskanis, 1974, s. 100–111; Седов, 1987, с. 414*). Следует отметить, что в пшеворском ареале известны еще погребения, обложенные кольцом из камней, которые не имеют никакого отношения к рассматриваемой проблематике. Конструкции из каменных колец над погребениями являются одним из важных признаков германских культур Скандинавии и Нижнего Повисленья. В пшеворском ареале такие могилы зафиксированы в Мазовии и смежных областях Повисленья и, очевидно, фиксируют расселение здесь гото-гепидов.

Только для северной области пшеворского ареала было характерно ссыпание в могильные ямы при захоронениях угля вместе с остатками трупосожжения. Этот обычай зафиксирован при раскопках более 30 пшеворских могильников (*Никитина, 1974, рис. 73*).

Со времен И. Домбровского (1753–1829) в языкознании получило распространение положение о том, что славяне первоначально распались на две большие группы – северную и южную, согласно мнению одних ученых, или западную и юго-восточную, по представлениям других. Многие исследователи, в том числе А. А. Шахматов, Т. Лер-Сплавинский, в той или иной степени характеризовали языковые (фонетические) явления, дифференцирующие эти две диалектные области праславянского языка. В докладе на IV Международном съезде славистов И. Леков попытался показать, что первоначальные северная и южная изоглоссные области славян выделялись и морфологически, и синтаксически, и по словообразовательным критериям (*Леков, 1958, с. 64–76*). Ф. П. Филиным были собраны и систематизированы лексические данные, характеризующие эти две древнейшие диалектные зоны праславянского языка. Своеобразие севернославянской лексики проявляется в особенностях местности и явлениях природы, в названиях растений, рыб, млекопитающих и птиц, терминах земледелия (*Филин, 1962, с. 205–218*).

В членении пшеворского ареала на северную и южную области, очевидно, нужно видеть дифференциацию славян на две древнейшие диалектные группы. На основании данных

археологии можно говорить, что это первоначальное разделение славян было обусловлено участием в генезисе славянства различных этнических массивов – инфильтрацией племен поморской культуры (периферийных балтов) в северной области и кельтского этнического субстрата в южной. Вместе с тем, следует учитывать, что намечающиеся диалектные зоны в римское время составляли все же единое культурное пространство. Внутри пшеворской культуры северная и южная зоны вплотную соприкасались друг с другом, не имели четко-го разграничения, а по многим особенностям и налегали друг на друга.

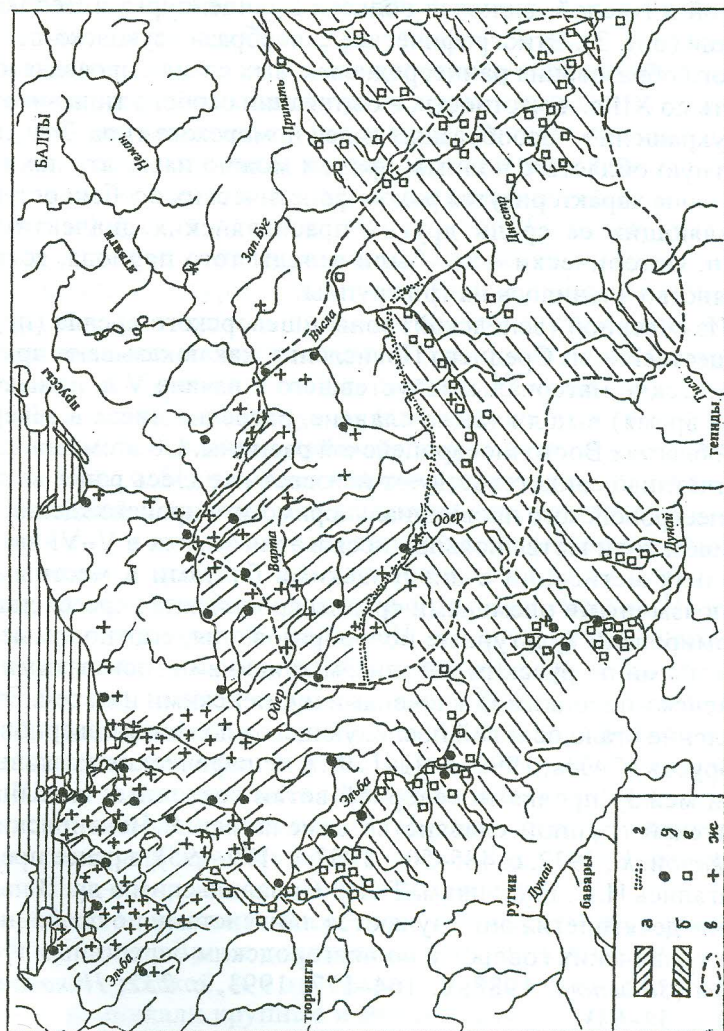
Провинциально-римская «окраска» пшеворской культуры, по-видимому, несколько стирала этнографические особенности славянского населения северной и южной зон. И, когда в результате нашествия гуннских орд ремесленные центры этой культуры были полностью разорены, а крах Римской империи не представил возможностей к их возобновлению, пшеворская культура прекратила свое существование. Это не могло не привести к значительному упадку уровня жизни и быта и даже общественно-социальной организации населения Висло-Одерского региона. Теперь наметившаяся в римское время дифференциация славян на две культурно-диалектные группы стала проступать все более отчетливо. В северной и южной зонах пшеворского ареала в V в. складываются две славянские культуры, существенно различающиеся между собой, в том числе такими важными этнографическими элементами, как домостроительство, погребальный обряд и лепная керамика.

В южной области формируется пражско-корчакская культура (рис. 3), для которой характерны подквадратные в плане жилища-полуземлянки, специфическая глиняная посуда и захоронения по ритуалу кремации умерших на бескурганных могильниках. С VI–VII вв. распространяется курганный обряд. Славяне пражско-корчакской культуры составляли устойчивое племенное образование последнего этапа развития праславянского языка. Его этнографическое своеобразие проявляется вплоть до VIII–XI вв. Из Севернокарпатского региона славяне этой группы в конце V – VI в. продвинулись на запад в Среднедунайские земли и далее в бассейне верхней и средней Эльбы, а на востоке заселили правобережные области Среднего Поднепровья. Ареал пражско-корчакской культуры около середины VI в., как он очерчивается по данным археологии, соответствует территории, на которой, согласно географическим коор-

Рис. 3. Северная и

южная этнографические области славян в период переселения народов и начале средневековья.

а — ареал суковско-дзедзицкой культуры; б — ареал пражско-корчакской культуры; в — граница пшеворской культуры в римское время (по К. Годловскому); г — приблизительная граница между северной и южной областями пшеворской культуры; д — поселения V–VII вв. с наземными домами; е — поселения V–VII вв. с жилищами полуземлянками; жс — памятники с находками эсоконечных височных колец поморского типа.

динатам, названным Иорданом (*Иордан*, с. 72), локализуется одна из трех групп раннесредневековых славян – славены.

В северной зоне пшеворского ареала в начале средневековья складывается суковско-дзедзицкая культура, характеризующаяся наземными домами с подпольями, особой глиняной посудой и поверхностными захоронениями (остатки кремации умерших разбрасывались на поверхности в определенных местах – могильниках). Уже в VII в. славяне этой группы освоили земли, прилегающие с юга к Балтийскому морю между Эльбой и Вислой, включая области Бранденбурга и Великопольши (рис. 3). Этнографическое своеобразие суковско-дзедзицкого образования раннесредневековых славян проявляется вплоть до XII в., в частности, в бытовании особого типа височных украшений – эсообразных колец поморского типа. Эту диалектную область с полным правом можно называть лехитской – она характеризуется рядом фонетических особенностей, выделяющих ее среди других праславянских диалектных групп. Исторически – это были венеды того периода, когда славянство членилось на три группы.

Из северной (венедской) зоны пшеворского ареала (преимущественно из Среднего Повисленья, как показывают археологические материалы, запустевшего в начале V в. на некоторое время) вышли также славяне, расселившиеся в северных областях Восточноевропейской равнины. Об этом довольно отчетливо свидетельствуют неизвестные здесь ранее вещи средневропейского провинциально-римского происхождения, в большом количестве появившиеся в этих землях в V–VI вв. В условиях метисации с днепровскими балтами и местными финноязычными племенами средневропейские переселенцы сформировали культурные новообразования, соотносимые с известными по русским летописям кривичами (псковскими и смоленско-полоцкими), словенами ильменскими и мерей. Это население стало основой последующего сложения северновеликорусов (*Седов*, 1999, с. 91–179). Специфические языковые связи между предками северной ветви восточных славян и лехитской группой славянства отмечались Я. Чекановским (*Czekanowski*, 1932, с. 485–504; 1957, с. 179–195), а ранее предполагались Н. С. Трубецким, Т. Лер-Сплавинским и др. В последние десятилетия они изучаются лингвистами по особенностям кривичских говоров и по новгородским берестяным грамотам (*Зализняк*, 1988, с. 164–177; 1993, с. 232; *Николаев*, 1990, с. 54–63).

Определение основной массы пшеворского населения как славянского находит надежное подтверждение в данных лингвистики и в свидетельствах античных авторов. Одним из надежных свидетельств проживания славян в римском периоде в Висло-Одерском регионе являются лексические славизмы, фиксируемые в древнеанглийском языке, основу которого, как известно, составили диалекты англов, саксов и ютов (Мартынаў В., 1998). В римский период эти западногерманские племена проживали в Ютландии и на смежных землях материковой Европы, а в конце IV – начале V в. они переселились на Британские острова. Очевидно, что в III–IV вв. саксы и англв контактировали со славянами, западными пределами области расселения которых был бассейн Одера. В древнеанглийском имелся и этноним венеде.

Данные языкознания вполне определенно свидетельствуют также о соседстве славян с западными балтами (*Бернштейн*, 1961, с. 34; *Maziulis*, 1981, р. 6–7; 1984, S. 166–167), которые надежно локализуются по соседству с территорией пшеворской культуры – от нижней Вислы до Венты включая Мазурское Поозерье. С летто-литовскими племенами, заселявшими более восточные территории Восточноевропейской равнины, славяне встретились не ранее V–VI вв.

В «Географическом руководстве», относящемся к третьей четверти II в. н.э., греческий географ и астроном Птолемей (Свод, 1991, с. 51) называет венедедов среди «больших народов» Европейской Сарматии и определенно связывает их с бассейном Вислы. Восточными соседями венедедов Птолемей называет галиндов и судинов. Это – известные западнобалтские племена, локализуемые в междуречье Вислы и Немана. На римской географической карте III в. н.э. венедеды-сарматы (*venadisarmatae*) обозначены где-то южнее Балтийского моря и севернее Карпатских гор (*Подосинов*, 2002, с. 321–330).

О том, что венедеды античных авторов были славянами, достаточно определенно говорит Иордан – историк готов середины VI в., использовавший в своем труде недошедшие до нас рукописи более ранних сочинений (*Иордан*, с. 90). Это же следует из ряда раннесредневековых трудов. Германское *Wenden* – «славяне» – сохранилось за ними до сих пор.

Нельзя не заметить, что Висло-Одерский регион, заселенный в римское время славянами, не имел каких-либо естественных рубежей, и в эти земли с запада и севера неоднократно проникали крупные и мелкие группы германцев. Это

нашло отражение в античных исторических сочинениях и документируется археологическими данными. На основании сведений античных авторов устанавливается, что в эпоху Птолемея бургунды (бургундионы) жили в среднем течении Одера и заходили в бассейн Варты. Их соседями на западе были западногерманские племена Поэльбья. Чуть позднее на среднем Оudere локализуются вандилии (вандалы). Со II в. н.э. они стали перемещаться на юг и, согласно Диону Кассию, вандалы-силинги и вандалы-хазинги заселяли уже часть бассейна верхнего Одера. Где-то к северу от Карпат в пшеворском ареале жили небольшие племена германцев – скиры, гелизии, гарнии, наганарвалы, в регион нижнего течения Варты заходили манымы и гельвеконы. Материалы раскопок поселений и могильников пшеворской культуры показывают, что изделиями, вышедшими из провинциально-римских мастерских – гончарной керамикой, кузнечной продукцией, предметами украшений и металлическими деталями одежды – в равной степени, независимо от племенной принадлежности, пользовалось все население пшеворского ареала. Этнографическое своеобразие разных этносов в составе населения этой культуры выявляется в деталях домостроения, в особенностях погребальных ритуалов и в глиняной посуде домашней выработки. Анализ и картография этих явлений показывают, что в бассейне Вислы доминировало славянское население, в бассейне Одера оно также численно преобладало, но в ряде мест бок о бок со славянами здесь проживали переселенцы из коренных германских земель. Селились германские племена и среди славянского населения Висленского региона (Седов, 1979, с. 53–74; 1994, с. 166–200).

Как известно, первые четыре века нашей эры в климатическом отношении были весьма благоприятны для жизни и особенно для сельскохозяйственной деятельности, которая была основой экономики славянского населения. Археология свидетельствует о прогрессе в технике земледелия, заметном увеличении числа поселений и значительном росте численности жителей пшеворского ареала. Постепенно славяне стали расширять территории своего проживания в южном и преимущественно в юго-восточном направлениях. Перейдя по перевалам Карпатские горы, они заселили ближайшие регионы Среднего Подунавья: в бассейне верхней Тисы в конце II в. формируется ответвление пшеворской культуры – прешовская культура.

Уже во второй половине I в. н.э. пшеворское население заселяет области верхнего Днестра и западную Волынь. В

результате смешения переселенцев с местными жителями, представленными липицкими и зарубинецкими древностями, здесь складывается особая группа пшеворской культуры – волыно-подольская. В более восточных землях Северного Причерноморья в это время господствовали сарматы, а в ряде мест – и поздние скифы (и те и другие принадлежали к иранской языковой группе). Население же Северо-Западного Причерноморья составляли фракийские племена, которые в римское время в той или иной степени подверглись романизации.

Во II–III вв. несколькими крупными группами пшеворское население из Висло-Одерского региона расселяется на плодородных землях лесостепного междуречья Днестра и Днепра и проникает в Днепровское левобережье. Ираноязычное население в основной массе при этом не покинуло мест своего обитания. Одновременно к Черному морю устремляются готы, первоначально проживавшие в Нижнем Повисленье, а в последних десятилетиях II в. расселившиеся среди пшеворского населения Мазовии, Подлясья и Западной Волыни, где распространяется вельбарская культура. В III в. готы двумя потоками продвигаются в более южные области Северного Причерноморья. Результатом этих перемещений стало формирование на обширной территории от нижнего Дуная до Днепровского лесостепного левобережья черняховской культуры – провинциально-норимского образования с полиэтничным населением – сарматами, славянами, германцами, гето-фракийцами и романизированными жителями. Как и пшеворская, эта культура характеризуется относительным единством гончарной керамики и металлических изделий – продукцией ремесленных центров. Ремесленные изделия распространялась среди населения черняховского ареала независимо от принадлежности к тому или иному этносу. Многочисленные находки римских монет и «варварских подражаний» им свидетельствуют о становлении в черняховской среде товарных отношений с внутренним и внешним денежным обращением. Результатом торговли с римским миром являются нередко встречаемые на памятниках черняховской культуры находки амфор, краснолаковой и красноглиняной столовой посуды, сосудов из цветных металлов, изделий из стекла и др.

Несмотря на сильнейшее воздействие провинциально-норимской культуры, в черняховском ареале все же в особенностях домостроительства, в отдельных деталях погребальной обрядности, а также в лепной глиняной посуде прослеживается

довольно сильная неоднородность этнической структуры его населения (рис. 4). Устанавливается, что в разных регионах черняховского ареала имели место неодинаковые этнические процессы. Так, по концентрации элементов, характерных для вельбарской культуры, выявляется два региона сосредоточения германского населения, которые соответствуют двум ветвям готов — вестготам (везиготам) в междуречье нижнего Дуная и Днестра и остготам (остроготам) в Нижнем Поднепровье. На правобережье Днестра готы поселились среди гетского населения в процессе первой миграционной волны (вторая половина III в.). По историческим документам известны крупные вторжения готов отсюда в пределы Римской империи уже в 248 и 251 гг. В V–VI вв. эта область именуется Готией. Основу второй волны готской миграции к Черному морю составляли остготы, местом концентрации которых стало Нижнее Поднепровье. Отдельные небольшие вкрапления элементов вельбарской культуры фиксируются и в других местах территории черняховской культуры.

В области внутрирегионального смешения пшеворского населения с местным сарматским (лесостепные земли междуречья Днестра и Днепра, наиболее удобные для земледелия) формируется славяно-иранский симбиоз, в условиях которого, как можно судить по данным археологии, произошла смена сарматами кочевого образа жизни на земледельческий уклад и постепенная славянизация их. Формируется культурно-диалектное новообразование юго-восточной группы славян, известное в письменных источниках под именем антов. Их памятниками являются поселения и могильники подольско-днепровского региона черняховской культуры, в которых проявляются элементы домостроительства, погребальной обрядности и керамики, ставшие характерными для раннесредневековой пенсковской культуры.

Некоторые лингвистические материалы (изменение взрывного *g*, свойственного праславянскому языку, в задненебный фрикативный *γ* (*h*); появление генетива-аккузатива; близость восточнославянского с осетинским в перфектирующей функции превербов; целый ряд лексем) позволяют говорить не только об участии в генезисе юго-восточной группы славян скифо-сарматского этнического субстрата (Абаев, 1964а, с. 115–121; 1964б, с. 90–99; Топоров, 1960, с. 3–11), но и о сложении антской диалектной области. Иранское субстратное наследие в юго-восточной части славянства выявляется также

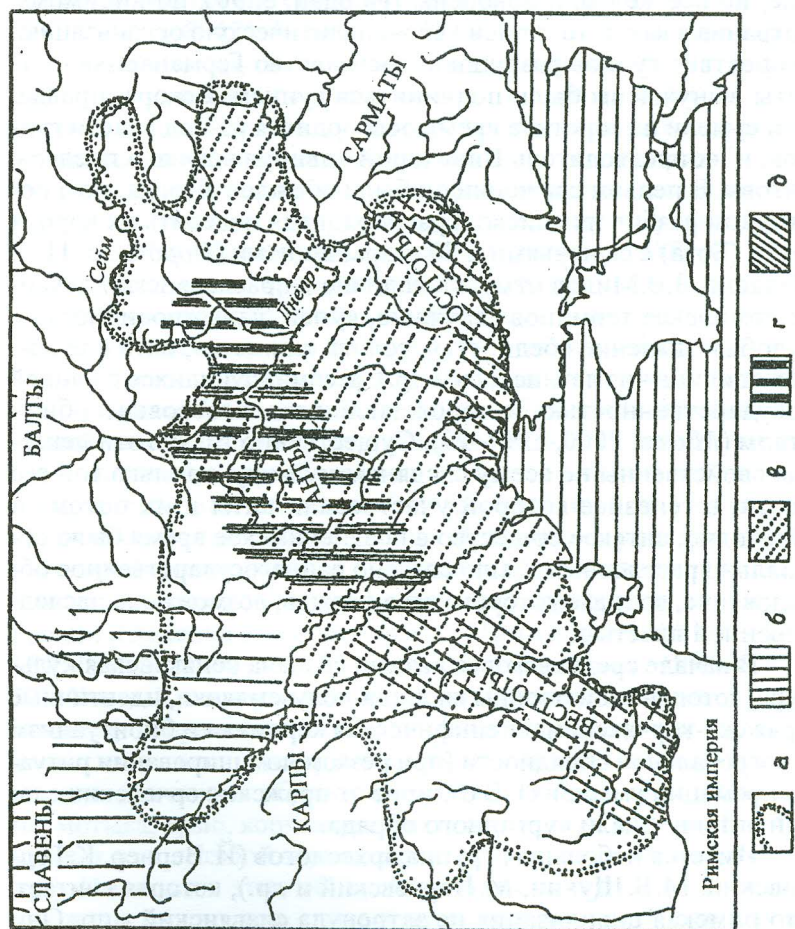

Рис. 4. Этнокультурная дифференциация ареала черняховской культуры.
а — граница территории черняховской культуры;
б — юго-восточные области пшеворской культуры;
в — территория, где в формировании черняховского населения участвовал сарматский этнический компонент; г — по-дольско-днепровский регион черняховской культуры;
д — регионы доминирования готов.

в духовной культуре и антропонимике (Топоров, 1989, с. 23–43; Мартынов, 1993; Васильев, 1999, с. 9–200). Анты – этноним иранского происхождения, унаследованный славянами, расселившимися в сарматской среде.

Согласно информации Иордана, готы в IV в. создали в Северном Причерноморье государственное образование во главе с Германарихом (до 375 г.), который подчинил себе многие другие народы. Известно, что анты враждовали с готами и, скорее всего, сообщение Иордана о том, что после подчинения герулов, обитавших вблизи Меотиды, Германарих направил свое войско против венетов, относится к антам (венетами германцы называли всех славян). Последние оказали сопротивление, но все же были покорены (Иордан, с. 90), по-видимому, сохранив в какой-то степени свою политическую организацию. Нашествие гуннов разрушило государство Германариха, остготы вынуждены были подчиниться гуннам. Вскоре, правда, они сумели на короткое время освободиться из-под власти гуннов, и их предводитель Винитарий «двинул войско в пределы антов». В первом сражении он был побежден антами, но в повторном разбил их войско и распорядился повесить их короля Божа (Боза) с сыновьями и 70 старейшинами (Иордан, с. 115). Недавно Л.В.Милов отметил наличие в праславянской лексике комплекса терминов (дружина, купец, дань «повинность», худоба в значение «бедность», голода «нищета», пята «денежная единица» из латинского и др.), ассоциирующихся с ранней государственностью и зарождающимся классовым обществом (Милов, 2000, с. 97–99). Существенно то, что эти лексемы свойственны не всему славянскому миру, а только той его части, в генезисе которой участвовали анты и их потомки. Очевидно, антское общество в позднеримское время было социально расслоенным, было создано раннегосударственное образование, во главе которого стоял вождь, возможно, с наследственной властью.

В начале средневековья антами создана пеньковская культура, которой свойственны жилища-полуземлянки, идентичные пражско-корчакским, специфическая керамика и биритуализм в погребальной обрядности (при резком доминировании ритуала кремации умерших). В отличие от пражско-корчакских славян анты не знали курганного обряда.

Имеется небольшая группа археологов (Й. Вернер, К. Годловский, М. Б. Щукин, М. Парчевский и др.), которая считает, что римская цивилизация не затронула славянский мир. Они

подчеркивают, что модель славянских культур начала средневековья по уровню общественно-экономического развития значительно ниже той, что наблюдается в провинциально-римских культурах, и что эта модель близка культурам лесной части Днепровского бассейна первой половины I тыс. н.э. Эти исследователи локализуют славян римского времени на Верхнем Днепре и в смежных землях Западнодвинского бассейна (Godłowski, 1979; 1986; 2000; Parczewski, 1993; Щукин, 1994). Эта мысль прямо противоречит отмеченным выше данным языкознания, а также материалам археологии и гидронимии Верхнего Поднепровья, указывающих на принадлежность населения этого региона вплоть до середины I тыс. н.э. балтской этноязыковой группе (Топоров, Трубачев, 1962, с. 159–173; Седов, 1970, с. 8–62). К тому же К. Буга надежно показал (и с этим согласны другие лингвисты), что первые контакты славян с восточными балтами начались только в VI–VII вв. (Buga, 1958, p. 521; 1961, p. 881). С появлением славян в верхнеднепровско-двинском регионе связано, как считают В. Мажюлис и В. Н. Топоров, распадение «центрального» ядра балтов, давшего начало литовскому, латышскому и другим будущим «восточнобалтийским» языкам (Топоров, 1988, с. 277).

К настоящему времени наукой собрано немало фактов, достаточно надежно свидетельствующих о том, что на определенном этапе славяне проживали где-то по соседству с римским миром и познакомились со многими элементами римской цивилизации. Исследователи не раз обращали внимание на воздействие римской культуры на некоторые стороны славянской народной жизни. Так, не подлежит сомнению, что наименование календарных циклов (коляда, русалии и др.) было воспринято славянами в праславянский период от романского населения. Интереснейшие наблюдения были сделаны Ф. Малингудисом в результате всестороннего изучения топонимии Греции и лексики греческого языка (Malingoudis, 1981, S. 174–181; 1983, p. 99–111; 1987, S. 53–65; Малингудис, 1987, с. 44–52). Ученый подчеркивает, что в топонимике и лексике Пелопоннеса, Эпира и западной части материковой Греции засвидетельствован весь спектр славянской земледельческой терминологии, начиная с обработки пашенных участков (поле, борона, мотыга, ярмо, корчевать, выжигать и др.) и кончая уборкой урожая и молотью зерна (серп, коса, ток, гумно, молотья и др.). Имеются в этих областях и такие славянские лексемы, как жито, пшено, сад, слива и др. Славянам, расселившимся в

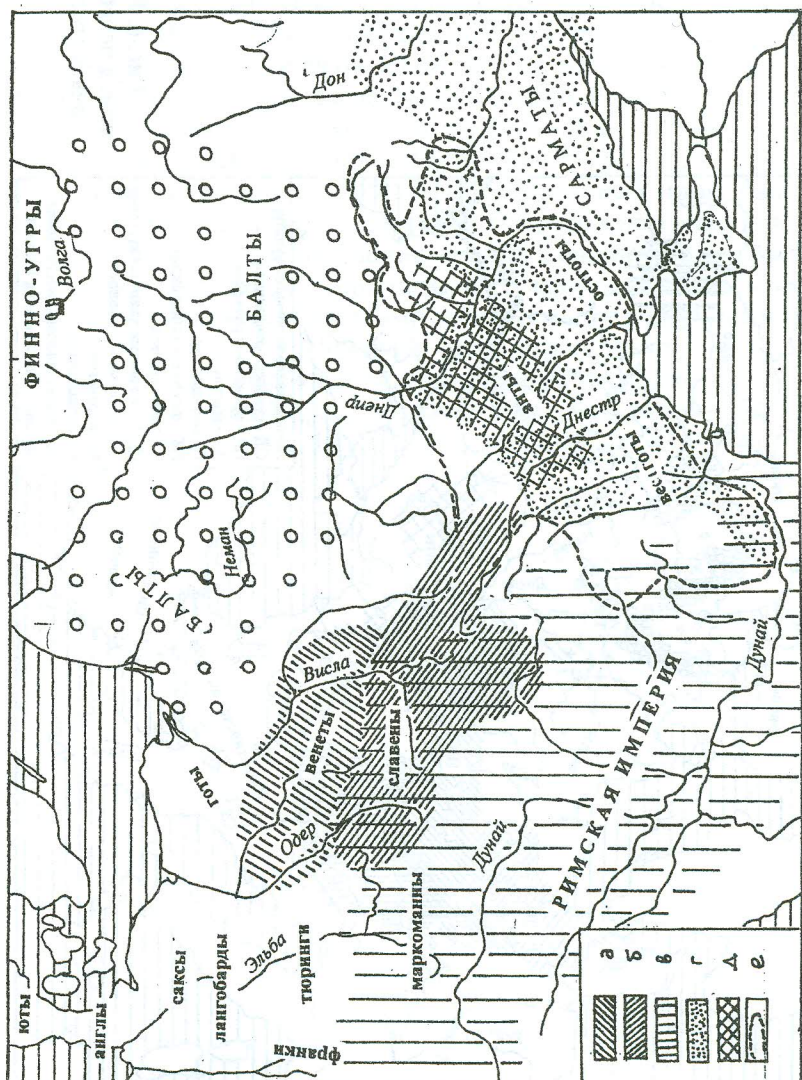
Греции, были известны водяные мельницы, распространенные в провинциальноримских культурах; бороны, более приспособленные для обработки пахотных полей на равнинных местностях (до этого греки знали иной тип бороны, более пригодный для работ в гористых местностях и предгорьях); косы, серпы и мотыги тех типов, которые бытовали в провинциальноримских культурах. Знакомство славян, пришедших в VI–VII вв. в Грецию, с римской цивилизацией проявляется не только в сельскохозяйственной лексике, но и в строительной терминологии, в обработке металлов и дерева, в ткачестве, рыболовстве и пчеловодстве. Достаточно очевидно, что все это может быть объяснено только в том случае, если славяне накануне великой миграции продолжительное время жили по соседству с римским миром – в ареале провинциальноримских культур.

Проживание славян в провинциальноримской среде с полиэтническим населением соответствует среднему этапу эволюции праславянского языка, согласно периодизации Ф. П. Филина (Филин, 1962, с. 103–110). В это время в языке славян происходят серьезные преобразования, проявляемые и в фонетике (палатализация согласных, смягчение *с* и *з* перед *и*, давшее шипящие согласные *ш*, *ж*, смягчение губных согласных перед *и*, вторая палатализация заднеязычных, устранение некоторых дифтонгов, изменения в сочетаниях согласных и др.), и в грамматическом строе. Есть все основания полагать, что эти языковые изменения были результатом внутрирегионального взаимодействия славян с иноэтническим населением. Наиболее активными в рассматриваемое время были германцы, присутствовавшие в немалом числе как в пшеворском, так и в черняховском ареалах. Неудивительно поэтому, что славянская лексика в римский период пополнилась прежде всего значительным числом германизмов (Kiparski, 1934, S. 165–270; Бернштейн, 1961, с. 95–99). Согласно Г. Шевелову, фонологические изменения в праславянском также стали результатом взаимодействия славянского этноса с германцами (Shevelov, 1965, p. 617–619).

Таким образом, устанавливается, что документированное раннесредневековыми историческими документами членение славянства на венедов, славенов и антов восходит к поздне-римскому времени (рис. 5). При этом следует подчеркнуть, что эти диалектно-племенные образования не имеют ни малейшего отношения к позднему делению славян на западных, восточных и южных. Великая славянская миграция нача-

Рис. 5. Славяне в позднеримское время.

а — северная область пшеворской культуры;
б — южная область пшеворской культуры;
в — территория расселения кельтов в позднем латене;
г — территория расселения сарматов и поздних скифов накануне миграции в Севернопричерноморские земли славяне и готов; *д* — по-дольско-днепровский регион черняховской культуры; *е* — общая граница черняховской культуры.

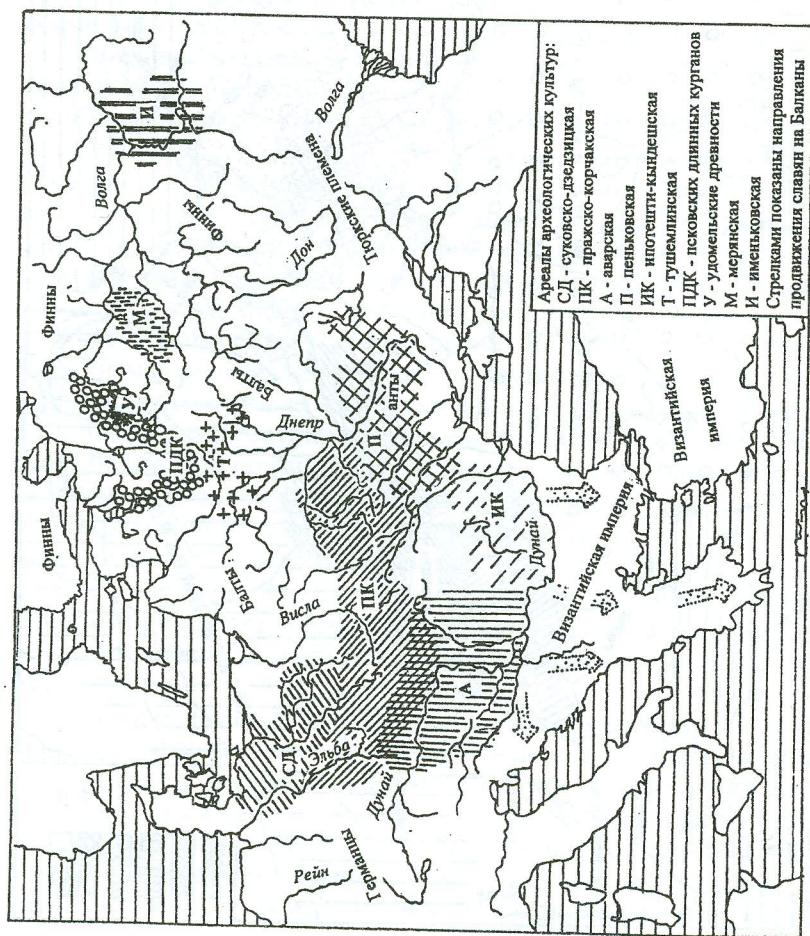

Рис. 6. Расселение славян в период переселения народов и в начале средневековья.

ла средневековья, как показывают археологические материалы, самым существенным образом изменила историко-культурную ситуацию в Средней и Восточной Европе (рис. 6). Так, венеды и их потомки, как уже отмечалось, участвовали в формировании полабских славян, славян Польского Поморья и Великопольши, а также северной части восточного славянства (будущих северновеликорусов). Дунайские славяне формировались из переселенцев как из пшеворского, так и черняховского ареалов. В освоении Балканского полуострова и Греции участвовали и славены, и анты, а в несколько меньшей степени и выходцы из венедской среды. Одна из групп антов поселилась еще в Среднем Поволжье, а затем осела и в левобережно-днепровско-донском регионе. Достаточно очевидно, что формирование славянских этносов средневековой поры было сложным многоактным процессом, к тому же в нем участвовало еще и иноэтничное население – балты и финно-угры, тюрки и фракийцы, романцы и германцы. Ситуация осложнялась интеграционными явлениями, импульсируемыми рядом исторических обстоятельств. Пожалуй, ни один из славянских народов раннего средневековья не был прямым наследником диалектных образований праславянского состояния, заложенных в римское время (Седов, 1995, с. 255–384; 2002, с. 431–574).

Литература

- Абаев В.И., 1964а. О происхождении фонемы $\gamma(h)$ в славянском языке // Проблемы индоевропейского языкознания. М.
- Абаев В.И., 1964б. Преверб и перфективность // Там же.
- Барцева и др., 1972. Барцева Т.Б., Вознесенская Г.А., Черных Е.Н. Металл черняховской культуры. М.
- Бернштейн С.Б., 1961. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М.
- Васильев М.А., 1999. Язычество восточных славян накануне крещения Руси. Религиозно-мифологическое взаимодействие с иранским миром. Языческая реформа Владимира. М.
- Йордан. О происхождении и деяниях гетов. Getica. М., 1960.
- Зализняк А.А., 1988. Древненовгородский диалект и проблемы диалектного членения позднего праславянского языка // Славянское языкознание. X Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М.
- Зализняк А.А., 1993. К изучению бересятных грамот // Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). М.
- Леков И., 1958. Значението на граматическите, словообразователни и лексикални данни за класификацията на славянските езици от съвременното гледище // Славянская филология. Сборник статей к IV Международному съезду славистов. Т. 2. М.
- Малингудис Ф., 1987. Славяно-греческий симбиоз в Византии в свете топонимии // Византийский временник. Т. 48. М.
- Мартынов В.В., 1963. Славяно-германское лексическое взаимодействие древнейшей поры. Минск.
- Мартынов В., 1993. Етногенез славян. Мова і міф. Мінск.
- Мартынаў В., 1998. Прападзіна славян. Лінгвістычная верыфікацыя. Мінск.
- Миров Л.В., 2000. RUZZI «Баварского географа» и так называемые «руси» // Отечественная история. № 1.
- Никитина Г.Ф., 1974. Погребальный обряд культур полей погребений Средней Европы в I тысячелетии до н.э. – первой половине I тысячелетия н.э. // Погребальный обряд племен Северной и Средней Европы в I тысячелетии до н.э. – I тысячелетии н.э. М.
- Николаев С.Л., 1990. К истории племенного диалекта кривичей // Советское славяноведение. № 4.
- Подосинов А.В., 2002. Восточная Европа в римской картографической традиции. Текст. Перевод. Комментарий. М.
- Русанова И.П., 2002. Истоки славянского язычества. Культовые сооружения Центральной и Восточной Европы в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. Черно-вцы.
- Свод, 1991. Свод древнейших письменных известий о славянах. Т.I (I–VI вв.). М.
- Седов В.В., 1970. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М.
- Седов В.В., 1979. Происхождение и ранняя история славян. М.
- Седов В.В., 1987. Балты // Финно-угры и балты в эпоху средневековья (Археология СССР). М.
- Седов В.В., 1994. Славяне в древности. М.
- Седов В.В., 1995. Славяне в раннем средневековье. М.

- Седов В.В., 1999.* Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование. М.
- Седов В.В., 2002.* Славяне. Историко-археологическое исследование. М.
- Топоров В.Н., 1960.* Об одной ирано-славянской параллели в области синтаксиса // Краткие сообщения Института славяноведения. Вып. 28. М.
- Топоров В.Н., 1988.* К реконструкции древнейшего состояния праславянского // Славянское языкознание. X Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М.
- Топоров В.Н., 1989.* Об иранском элементе в русской духовной культуре // Славянский и балканский фольклор. Реконструкция древней славянской духовной культуры. Источники и методы. М.
- Топоров В.Н., Трубачев О.Н., 1962.* Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М.
- Филин Ф.П., 1962.* Образование языка восточных славян. М.; Л.
- Щукин М.Б., 1994.* На рубеже эр. (Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н.э. – I в. н.э. в Восточной и Центральной Европе). СПб.
- Bielenin K., 1974.* Starożytne górnictwo i hutnictwo w Górach Świętokrzyskich. Warszawa.
- Bielenin K., 1986.* Stan i potrzeby badań nad świętokrzyskim okręgiem starożytnego hutnictwa żelaza // Stan i potrzeby badań nad młodszym okresem przedrzymskim i okresem wpływów rzymskich w Polsce. Kraków.
- Birnbau H., 1984.* Zu den ältesten lexikalen Lehnbeziehungen zwischen Slawen und Germanen // Wiener Slawischer Almanach. Bd. 13. Wien.
- Buga K., 1958.* Rinktiniai raštai. T. I. Vilnius.
- Buga K., 1961.* Rinktiniai raštai. T. III. Vilnius.
- Cojta-Broniewska A., 1979.* Grupa kruszańska kultury przeworskiej. Ze studiów nad rozwojem regionalizmu. Kujaw; Poznań.
- Cojta-Broniewska A., 1986.* Miejsce praktyk obrzędowych ludności z końca starej i początków nowej ery w Inowrocławiu // Ziemia Kujawska. T. VIII. Warszawa; Poznań; Toruń.
- Czekanowski J., 1932.* Różnicowanie się dialektów prasłowiańskich w świetle kryterium iliściowego // Sbornik prac I Sjezdu slovanských filologů v Praze. II. Praha.
- Czekanowski J., 1957.* Wstęp do historii Słowian. Perspektywy antropologiczne, etnograficzne, archeologiczne i językowe. Poznań.
- Dobrzańska H., 1982.* Ceramika toczona jako wyraz zmian zachodzących w kulturze przeworskiej w wczesnej fazie późnego okresu rzymskiego // Znaczenie wojen markomańskich dla państwa rzymskiego i północnego Barbaricum (Scripta Archaeologica, II). Warszawa.
- Engel C., La Baume W., 1937.* Kulturen und Völker der Frühzeit im Preussenlande. Königsberg.
- Godłowski K., 1979.* Z badań nad zagadnieniem rozprzestrzenienia słowian w V–VII w. n.e. Kraków.
- Godłowski K., 1986.* Wschodnia koncepcja pierwotnych siedzib Słowian // Spór o Słowian. Warszawa.
- Godłowski K., 2000.* Pierwotne siedziby Słowian. Kraków.
- Jaskanis J., 1974.* Obrządek pogrzebowy zachodnich bałtów u schyłku starożytności (I–V w. n.e.). Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk.
- Kiparski V., 1934.* Die gemeinslavischen Lehnwörter aus dem Germanischen. Helsinki.

- Kostrzewski J.*, 1936. The prehistory of Polish Pomerania. Toruń.
- Malingoudis Ph.*, 1981. Studien zu den slawischen Ortsnamen Griechenlands. Bd. I (Akademie des Wissenschaft zu Mainz. Abhandlungen der geistes-socialwissenschaftlichen Klasse. 3). Mainz; Wiesbaden.
- Malingoudis Ph.*, 1983. Toponymy and History. Observations concerning the Slavonic Toponymy of the Peloponnese // *Cyrrillomethodianum*. VII. Thessaloniki.
- Malingoudis Ph.*, 1987. Frühe slawische Elemente im Namensgut Griechenlands // *Die Völker Südosteuropas im 6. bis 8. Jahrhundert*. München.
- Mažiulis V.*, 1981. Apie senovės vakarū baltas bei jų santakius su slavais, ilirais ir germanais // *Iš lietuvių etnogenezės*. Vilnius.
- Mažiulis V.*, 1984. Zum Westbaltischen und Slavischen // *Zeitschrift für Slavistik*. Bd. 29.
- Parczewski M.*, 1993. Die Anfänge der frühslawischen Kultur in Polen. Wien.
- Piaskowski Y.*, 1963. Technologia żelaza na ziemiach Polskich w okresie od I do V wieku naszej ery // *Wiadomości hutnicze*. T. 12. Warszawa.
- Pleiner R.*, 1958. Základy slovanského železářského hutnictví v Českých zemích. Praha.
- Pleiner R.*, 1962. Staré evropské kovárství. Praha.
- Rosen-Przeworska J.*, 1964. Tradycje celtyckie w obrzędowości proto-słowian. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk.
- Rosen-Przeworska J.*, 1979. Spadek po Celtach. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk.
- Shevelov G.Y.*, 1965. A Prehistory of Slavic. The Historical Phonology of Common Slavic/ New York.
- Svoboda B.*, 1965. Čechy v době stěhování národů. Praha.
- Wielowiejski J.*, 1982. Przemiany gospodarczo-społeczne u ludności południowej Polski w okresie późnołateńskim i rzymskim // *Materiały starożytności*. T. VI. Warszawa.
- Woźniak Z.*, 1970. Osadnictwo celtyckie w Polsce. Wrocław; Warszawa; Kraków.
- Zeps V.*, 1984. Is Slavic a west Baltic Language? // *General Linguistics*. Vol. 24 (4).

Валентин Васильевич Седов
Славяне в римское время
Научное издание

Техническое редактирование и верстка: Н. В. Лопатин

Подписано в печать 27.01.2003. Формат 60х90/16.
Усл. печ. л. 1,75. Уч.-изд. л. 1,5. Тираж 200 экз.

Институт археологии РАН
117036 Москва, ул. Дм. Ульянова, 19
ЛР ИД №03062 от 18.10.2000